

На правах рукописи

Минц Белла Александровна

СТРУКТУРА И ПОЭТИКА ЛИРИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В ПОЭЗИИ

О. МАНДЕЛЬШТАМА

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

доктора филологических наук

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лирика О. Мандельштама отличается исключительной степенью целостности и сильными межтекстовыми связями. Внутренние сцепления в ней складываются в неповторимую, сложно организованную динамическую систему лирических текстов и *лирических единств*, то есть текстовых групп различной, в том числе циклической, природы (циклов, подборок, книг стихов, «тетрадей», равноценных редакций стихотворения). В ходе этого процесса происходят различные семантические модуляции, без учёта которых интерпретация лирических текстов обедняется.

Характер и формы внутренних сцеплений, перекличек, парадигм, динамика структуры обладают в поэзии О. Мандельштама признаками уникальности. Поэт гораздо реже многих своих современников создавал классические циклы. Он чуждался поэтических книг со сложной, иерархически устроенной композицией. Некоторые его циклы недоступны широкому читателю, ибо были опубликованы в периодических изданиях, но расформированы автором в книгах. Системное изучение лирических единств О. Мандельштама позволяет прояснить его понимание художественной природы целого и части, автономности текста и его устремлённости вовне, к контексту, границ между художественным целым и его окружением, завершённости / незавершённости как художественного качества, позволяет увидеть некоторые имманентные свойства противоречивой и свободной мысли, самой поэтической ткани О. Мандельштама, а именно внутреннюю диалогичность, диффузность, элементы недискретности. Как в содержательном, так и в формальном плане все названные признаки следует интерпретировать с учётом особенностей научной мысли неклассической эпохи, акцентирующей нелинейные процессы, релятивистские подходы, симультанность восприятия. Структура и поэтика лирических единств О. Мандельштама связана с претворением в его поэзии эпических принципов, а также с драматизмом лирического сознания. Важность изучения индивидуальной специфики циклизации в лирике О. Мандельштама как значимой части его поэтической системы обуславливает **актуальность** данной работы.

Научная разработанность проблемы. Лирические единства О. Мандельштама как целостная динамическая система в научной литературе не рассматривались. Изучены только отдельные сегменты системы. Характер и формы целостности в лирике О. Мандельштама нашли отражение в трудах Ю. Н. Тынянова, Л. Я. Гинзбург, в ключевой для отечественного мандельштамоведения статье Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная

парадигма»¹, в работах К. Ф. Тарановского и его учеников – О. Ронена и С. Бройда. Названными исследователями отмечена тесная соотнесённость семантики поэтического слова с контекстом, повышенная ассоциативность и значимость сцеплений, в том числе между текстами, важность парадигматических связей, глубинной смысловой структуры, пронизывающей всю лирику поэта. Выявлены также в ходе изучения творческой истории оригинальные механизмы циклопорождения (И. М. Семенко)².

Авторские циклы анализируются в контексте историко-литературного изучения творческого пути поэта (С. Бroyд, Д. Харрис, В. В. Мусатов), интерпретируются преимущественно с помощью анализа подтекста (Б. М. Гаспаров, Д. И. Черашняя и др.). Расформированные автором циклы «Летейские стихи», «А небо будущим беременно...» в том виде, как они существовали в первоначальном замысле или были опубликованы в периодике, а также трёхчастная версия цикла «Петрополь» практически не получили детального анализа.

Авторские циклы О. Мандельштама, в том числе обрамлённые хотя бы в одной из версий двойчатки, представляют собой некое ядро процессов циклизации. Системный подход к этой части наследия поэта, учёт находящихся в пассиве мандельштамоведения авторских опытов и анализ самой динамики циклообразования позволяет уточнить структуру и поэтику лирических единств разного типа и генезиса.

Наибольший интерес у исследователей вызвала оригинальная форма так называемой двойчатки («Соломинка», «Сеновал», «Заблудился я в небе...»), т.е. двухчастного микроцикла с повтором стихотворного фрагмента (Вяч. Вс. Иванов, Л. Д. Гутрина, Д. И. Черашняя и др.). Особый вклад в изучение данной формы внёс М. Л. Гаспаров³. Тем не менее в определении природы этого типа лирических единств и в отнесении конкретных текстов к нему нет единодушия, как нет и систематизации всех соответствующих случаев. Наиболее трудным является вопрос дифференциации двойчаток и двухчастных стихотворений, с одной стороны, и двойчаток и двух редакций, с другой. Полемика об отдельных текстах О. Мандельштама (например, о редакциях стихотворения «Ариост» 1933 и 1935 годов) имеет не только научное, но и практическое значение, ибо касается принципов издания лирики поэта.

---

¹ Левин, Ю. И., Сегал, Д. М., Тименчик, Р. Д., Топоров, В. Н., Цивьян, Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. № 7–8. Р. 47–82.

² См.: Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту. М., 1997.

³ См., напр.: Гаспаров М. Л. «Соломинка» Мандельштама (поэтика черновика) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 185–198; Гаспаров М. Л. «Сеновал» О. Мандельштама: История текста и история смысла // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девяты́е Тыняновские чтения. Исследования и материалы. М., 2002. С. 376–390.

В отечественном и зарубежном мандельштамоведении обозначилась тенденция преимущественного интереса к несобраным лирическим единствам, изучение которых представляет собой по сути исследовательское моделирование, в разной степени учитывающее законы поэтической системы и соотношение с традициями циклообразования. В данной области следует отметить работы О. Ронена, Д. Мальмстада, Н. Нильссона, Ю. И. Левина, Е. Г. Эткинда, М. Л. Гаспарова, П. М. Нерлера, О. А. Лекманова и др.

Большие циклические формы (книги стихов, тетради), которые в лирике О. Мандельштама имеют ряд принципиальных отличий от малых в характере компоновки текстов и составляют особую подсистему, изучены неравномерно. Если две редакции «Камня» стали предметом детального анализа и сравнения в работах Л. Я. Гинзбург, Н. Л. Лейдермана, О. А. Лекманова, Д. В. Фролова, то третья редакция «Камня», «Вторая книга», «тетради», композиция которых не была окончательно сформирована автором, редко привлекали внимание.

При наличии значимых результатов проблема не получила системного анализа, учитывающего весь корпус лирических текстов, внутреннюю динамику межтекстовых связей и композиционных жестов поэта. Ряд вопросов, имеющих не только теоретическое, но и практическое значение, остаётся предметом полемики. Определение природы оригинальных форм циклизации в лирике О. Мандельштама и их терминологическое фиксирование не всегда методологически выверены и убедительны. Нуждаются в обобщающем анализе генезис лирических единств, композиционные принципы и приёмы, участвующие в их продуцировании. Наконец, некоторые конкретные опыты поэта в области циклизации изучены недостаточно.

Объектом данного исследования стала лирика О. Мандельштама, а именно весь корпус лирических текстов в его структурной динамике. Стремление понять философско-эстетические основы изучаемого феномена обусловило обращение к литературно-критической и поэтологической прозе О. Мандельштама.

Предметом исследования является структура и поэтика лирических единств О. Мандельштама в системных динамических проявлениях и тесной связи с природой поэтического мышления автора.

Цель работы состоит в том, чтобы, изучив структуру и поэтику разнообразных лирических единств О. Мандельштама, выявить смысло- и формообразующие принципы, которые обусловлены ключевыми компонентами индивидуальной поэтической системы и играют в ней важную роль.

Цель предполагает решение следующих исследовательских *задач*:

– выявление индивидуальных философско-эстетических основ циклизации в лирике поэта;

- изучение феномена вариативности и его роли в генезисе лирических единств, в формировании их структуры;
- классификация типов лирических единств, продуцируемых вариативностью;
- исследование структуры и поэтики авторских циклов и оригинальной формы двойчаток;
- систематизация несобранных лирических единств, выявление их природы и типологии, анализ некоторых малоизученных несобранных циклов;
- изучение книги стихов как особой формы циклизации в лирике О. Мандельштама; осмысление специфики композиционных принципов поэта на примере третьей редакции «Камня» (1923) и малоизученного авторского проекта – «Второй книги» (1923);
- выявление специфики «тетради» как особой формы крупного лирического единства в поздней лирике О. Мандельштама;
- анализ лирических единств О. Мандельштама как динамической системы с учётом творческого генезиса и эволюции.

Материалом исследования послужили черновые и беловые автографы, списки (прежде всего, авторизованные), прижизненные публикации лирических текстов и циклов О. Мандельштама. Обращение к архивным источникам, хранящимся в РГАЛИ, ИРЛИ, РНБ, РГБ, ГЛМ, а также к периодике 1910-30-х годов и прижизненным изданиям книг стихов и итогового сборника 1928 года позволило восстановить важные стадии и творческие принципы рождения лирических единств. С учётом критического осмысления редакторских решений привлекались отечественные и зарубежные издания О. Мандельштама.

Теоретико-методологическая основой в понимании природы лирического творчества стали в диссертационном исследовании положения М. М. Бахтина об авторе и герое в лирике, обосновывающие принцип вневходимости автора по отношению к лирическому сознанию как художественному феномену и принципиальную возможность лирического многоголосия, внутреннего драматизма лирического сознания; труды Л. Я Гинзбург, Т. И. Сильман, Ю. М. Лотмана, Б. О. Кормана, С. Н. Бройтмана, Ю. Н. Чумакова, трактующие специфику поэтических систем, структуру лирического текста, проблемы субъектной сферы в лирике и лирического сюжета; работы по проблемам циклизации в лирике И. В. Фоменко, М. Н. Дарвина, Л. Е. Ляпиной, В. И. Тюпы, О. А. Лекманова и др. Философско-эстетические основы изучаемого феномена, в том числе, в контексте акмеизма, помогло раскрыть обращение к работам Е. А. Тоддеса, Л. Г. Кихней, И. А. Паперно, Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, Т. В. Цивьян, В. Н. Топорова, Н. Я. Грякаловой, М. Ю. Лотмана, Е. Русинко, А. Фэвр-Дюпегр, Х. Л. Финк и др. Методология исследования

базируется на принципах историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, герменевтического, структурно-семиотического, мифопоэтического, рецептивного, а также текстологического, мотивного, интертекстуального методов анализа. Их сочетание позволяет приблизиться к пониманию целостности сложной системы циклизации в лирике О. Мандельштама.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что разработана методика, позволяющая углубить представления о циклизации в лирике О. Мандельштама, по-новому осмыслить её принципы и формы, обнаружить её системный характер и органическую связь с имманентными свойствами поэтического мышления автора. Уточняется терминология, связанная с классификацией видов лирических единств. Доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений о системно-структурной целостности и динамике межтекстовых связей лирики О. Мандельштама. Доказано наличие неизвестных ранее связей, обоснована перспективность дальнейшего системного изучения проблемы. Предложены уточненные трактовки некоторых понятий, например, *вариативности как категории поэтики*. Изложены концептуально значимые положения, раскрывающие малоизученные аспекты творческой истории лирических единств О. Мандельштама. Дальнейшее развитие получают представления о таких феноменах лирики, как завершенность / незавершенность, автономность лирических стихотворений, дискретность / недискретность системы лирических текстов.

Практическая значимость определяется тем, что материалы диссертации могут использоваться при чтении общих курсов по истории русской литературы, теории литературы и поэтики, а также специальных курсов, посвященных русской поэзии, вопросам циклизации в лирике, наконец, таким темам, как постсимволизм, акмеизм, творчество О. Мандельштама. Материалы могут быть использованы в рамках вузовского и школьного обучения, а также в текстологических комментариях.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые дан системный анализ принципов циклизации применительно ко всему массиву лирических текстов О. Мандельштама и с учётом разных стадий творческого процесса создания лирических единств: черновиков, неосуществлённых проектов и т.п. Всесторонне рассмотрен феномен вариативности как органическое качество мировидения О. Мандельштама и философско-художественная основа создания разнообразных лирических единств. Разработана классификация лирических единств, продуцируемых вариативностью. Впервые дан детальный анализ малоизученных авторских циклов, опубликованных в периодике, а также «Второй книги» (1923), значимого опыта создания «большой формы». Обобщены и систематизированы тенденции книготворчества в поэзии О. Мандельштама.

Положения, выносимые на защиту:

1. Структура и поэтика лирических единств О. Мандельштама во многом определяются его философско-эстетическими представлениями о природе слова как семантической и миромоделирующей системы, об изоморфности слова и периода стихотворной речи (строки, строфы, текста), о взаимодействии целого и его частей в композиции, о произведении как результате «единого дифференцирующего порыва»⁴. Наиболее наглядно поэтологические идеи, коррелирующие с принципами циклизации в лирике О. Мандельштама, проявились в избирательно и творчески воспринятой поэтом философии Анри Бергсона, а также в интерпретации поэмы Данте. Импульсом к циклизации для О. Мандельштама стали пафос единства всего в универсуме, нашедший воплощение в изначальной целостности поэтического мышления, тяготении к органике творческого порыва, в понимании слова и соприродных ему стихотворных единиц как сложно устроенной, свободной и разнонаправленной семантической энергии. Специфика циклизации определялась также выраженным синкретизмом лирики О. Мандельштама: тяготением к эпическому началу (устремлённость к онтологическим основам мироздания, мифопоэтическое мышление) и драматизмом лирического сознания, предельно обострившимся в 1920-1930-е годы.

2. Главным принципом, обусловившим оригинальность системы циклизации в лирике О. Мандельштама, стала вариативность, характеризующая его поэтическое мышление: поэт чуждался априорных истин, склонен был обнажать сам процесс исканий и потому мог в едином замысле манифестировать разный ход мысли, её разветвления, сталкивать возможные исходы и модальности. Вариативность наиболее наглядно осуществилась в особых формах циклизации, использующих повтор (слова-образа, строки, периода), в принципах парности, отражающих бинарные свойства художественного мышления, в рождении цикла из единого черновика, в некоторой недискретности и диффузности поэтической ткани, характерной особенно для зрелого периода.

3. Лирические единства О. Мандельштама, генерируемые вариативностью, различаются в соответствии с критерием спонтанности / преднамеренности, с объёмом и природой варьирующихся элементов, наличием / отсутствием рамочных структур, способом авторской репрезентации. В результате наиболее спонтанными следует признать образно-мотивные вариации. Темы и вариации уже свидетельствуют о более сознательном сближении текстов. Двойчатки (двухчастные структуры с единым стихотворным фрагментом) и циклы, восходящие к единому черновику, становятся результатом целенаправленной работы

---

⁴ Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. / сост. П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдина, С. Василенко. М., 1993–1997. Т. 3. С.114. Далее тексты О. Мандельштама приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома римской цифрой, страницы – арабской.

поэта над композицией лирического единства. Проблема различения редакций как факта творческой истории и совокупности равноценных редакций как особого лирического единства, стоящая в мандельштамоведении весьма остро, должна решаться с учётом следующих критериев: свидетельства об интенциях автора относительно репрезентации замысла, объём и характер компоновки инвариантных элементов, генезис и природа повторов, хронология.

4. Двойчатки О. Мандельштама стали вершиной спорадически проявлявшихся в русской поэзии тенденций раздвоения замысла, диалогических структур, зеркальных композиций (Ф. Тютчев, Ф. Сологуб). Обрамлённая двойчатка граничит с двухчастным стихотворением, порождая гибридные формы («Соломинка»), но может воплощаться в свободно соположенных родственных текстах, погружённых в общий поток («1 января 1924» и «Нет, никогда ничей я не был современник...»), или входить в более сложные циклические структуры («Восьмистишия», «Стихи о русской поэзии»). От равноценных сосуществующих редакций («Ариост» 1933 и 1935 годов) двойчатки отличаются меньшим объёмом и компактностью повторяющихся периодов, хронологической близостью и генезисом повторений. Двойчатки акцентируют драматизм лирического переживания, процесс формирования, прояснения и выбора позиции лирического субъекта, трагическую природу внутренних коллизий и стремление поэта развести и сопоставить конфликтующие грани сознания.

5. Традиционные авторские циклы О. Мандельштама можно условно разделить на триптихи («Петрополь», 1916, «Летейские стихи», 1923, «Стихи о русской поэзии», 1932, «Кама», 1935) и более объёмные структуры («А небо будущим беременно», 1923, «Армения», 1930). В триптихах 1920-х годов элементы кольцевой композиции коррелируют с завершённостью мифопоэтического сюжета, в 1930-е годы структура триптиха становится более сложной и открытой, подразумевая незавершённость мысли и запечатлённых коллизий. Циклы «А небо будущим беременно» и «Армения» отмечены эпическим масштабом, разнообразием циклообразующих компонентов и форм на всех уровнях лирического единства. Попадая в книгу или в рукописный свод, стихотворения циклов влияют на общий поток текстов, собирая вокруг себя скрытое лирическое единство («римские», «крымско-эллинистические» стихи, окружение и отзвуки «Армении» и «Стихов о русской поэзии»). Вариативность воплотилась в традиционных авторских циклах наличием повторяющихся стихотворных периодов (строк, строф), рождением фрагментов цикла из единого чернового полотна, системой образов.

6. В наибольшей степени вариативность обусловила доминирование в лирике О. Мандельштама несобранных лирических единств, не имеющих рамочных элементов, более или менее закреплённой композиции и не выделен-

ных автором в общем потоке текстов. Они представляют собой открытую множественность с чертами определённой иерархии. Одни «циклы» выделяются на основе неосуществлённых авторских планов («Семь стихотворений»), другие – по свидетельствам Н. Я. Мандельштам о творческих намерениях поэта или особенностях творческого процесса («волчий» цикл), третьи – по адресату или герою (любовные циклы, «Стихи памяти А. Белого»). Особняком стоят сугубо исследовательские циклы, «собранные» на основе общего хронотопа («крымско-эллинские» стихи), тематической, образно-мотивной, ритмико-метрической общности («трилогия о веке», «орега роетms», «метрические волны» в «Воронежских тетрадах»).

7. Авторские книги стихов (три редакции «Камня» и «Вторая книга») отличаются от малых лирических единств не только концептуальной масштабностью, но и композиционной спецификой, а именно открытым временным контуром. Отказ от вторичной композиции, сложная хронология, ориентированная на естественный порядок рождения стихов, отбор, выстраивание линейки текстов, модификация прежних композиций, определение границ книги – всё это говорит о целенаправленной работе над замыслом конкретного книжного проекта. В авторских книгах стихов О. Мандельштама можно увидеть его тяготение к композициям кольцевого типа, предполагающим переключку зачина и финала, при том что последний представляет собой развитие на более высоком уровне поэтической мысли, обогащённой всей сюжетной логикой книги. Характерными для книг поэта являются наличие своеобразного каркаса из опорных текстов или текстовых групп, приёмы парности и зеркальности, принцип «маятника» в перемежающихся текстах.

8. В сводах лирических текстов О. Мандельштама 1930-х годов выделяется циклическая форма «тетрадей». В отличие от опубликованных книг границы «тетради», коррелирующей с разделом книги стихов, определяются естественными феноменами творческого процесса – единством поэтического порыва, чувством его исчерпанности, появлением новых художественных импульсов. Несмотря на то, что не существует окончательной авторской редакции, закрепляющей состав и композицию «тетрадей», в них прочитываются элементы лирического сюжета.

Результаты диссертационного исследования *апробированы* в докладах на международных научных конференциях «Русская литература: проблемы исторической поэтики» (Санкт-Петербург, РГПУ, 2007), «Предложение и слово» (Саратов, СГУ, 2007), «Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков» (Саратов, СГУ, 2007), «Взаимодействие литературы с другими видами искусства – Пуришевские чтения» (Москва, МПГУ, 2009), «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольк-

лоре» (Волгоград, ВГСПУ, 2007, 2011, 2013), «XXXVIII Международная филологическая конференция» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2009), «XLII Международная филологическая конференция» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2013), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья – Смирновские чтения» (Москва, МГОУ, 2013), «Литература XX – XXI веков в научном и критическом восприятии. Итоги и перспективы изучения – XVIII Шешуковские чтения» (Москва, МПГУ, 2013), «Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности» (Волгоград, ВГСПУ, 2014), «Творческая история произведения как историко-литературная и теоретическая проблема: фольклорный, биографический, социокультурный, текстологический аспекты» (Москва, МПГУ, 2016), «Междисциплинарные связи при изучении литературы» (Саратов, СГУ, 2010, 2013, 2015, 2017); на всероссийских, зональных и межвузовских научных конференциях (Саратов, СГУ, 2005, 2008, 2012; Елабуга, ЕГПУ, 2008; Москва, МПГУ, 2009), а также опубликованы в виде 16 научных статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, научной монографии, статей в сборниках и журналах, внедряются в преподавание учебного курса истории русской литературы и научно-методического семинара Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Закономерности исследовательской мысли обусловили структуру диссертации, состоящей из *Введения, пяти глав, Заключения, Списка литературы*. В первой главе рассматриваются общие вопросы изучения лирических единств. Вторая глава посвящена философско-эстетическим идеям поэта и их связи с принципами циклизации в его лирике, в частности, феномену вариативности, а также содержит аналитический обзор уровней и форм вариативности, классификацию лирических единств О. Мандельштама, основанных на принципе вариативности и анализ разных редакций лирических текстов как открытых структур. Третья глава посвящена таким формам, как двойчатки и традиционные лирические циклы. В четвёртой главе прослеживается типология несобранных циклов Мандельштама, в частности, посвящённых женщинам. Пятая глава представляет принципы создания крупных цикловых форм, а именно сравнительный анализ редакций «Камня» с акцентом на наименее изученную третью редакцию и детальный анализ малоизученной «Второй книги», а также формы «тетрадей» в лирике О. Мандельштама 1930-х годов. В заключении подводятся итоги и определяются перспективы исследования.

Список использованной литературы включает 613 позиций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** определяются актуальность диссертационного исследования, его цель, исследовательские задачи, материал и предмет изучения, теоретико-методологическая база, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость, рассматривается степень изученности структуры и поэтики лирических единств в поэзии О. Мандельштама, приводятся положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Изучение научных источников показало, что исследователи уделяют большое внимание общим закономерностям межтекстовых связей в поэзии О. Мандельштама, некоторым конкретным типам лирических единств. Между тем проблема индивидуальных принципов циклизации в поэзии О. Мандельштама нуждается в подходе, предполагающем взгляд на всё лирическое наследие поэта как на динамическую систему с учётом творческого генезиса, с комплексным и детальным изучением авторских композиционных стратегий, разнообразных опытов поэта в сфере циклизации, в том числе, отброшенных.

Во введении также обозначены некоторые спорные моменты, связанные, в частности, с разногласиями в употреблении некоторых терминов или метафорических определений, например, таких, как «двойчатка». Обозначена и одна из самых трудных проблем мандельштамоведения, а именно различие редакций как фактора творческой истории и как совокупности равноценных манифестаций замысла, т.е. разновидностей лирического единства. Следствием проведённой аналитической работы по изучению научных источников стало осознание необходимости учёта общих основ поэтической системы О. Мандельштама с точки зрения продуцирования индивидуальной системы лирических единств.

Первая глава «Теоретические аспекты изучения лирических единств» посвящена обоснованию ключевого термина «лирические единства», таким аспектам цикловедения, как природа многокомпонентных текстовых структур, отличающихся от монолитного лирического стихотворения относительной и потенциальной самостоятельностью частей, как соотношение циклизации и цикла, признаки цикловых форм, разновидности лирических единств. Стремление к более объёмному взгляду на изучаемый феномен продиктовало необходимость обращения к современным работам в области теории сверхтекста, которая в отдельных своих сегментах пересекается с цикловедением. Вместе с тем, двойственность в понимании сверхтекста и употреблении термина «сверхтекст» не позволяет использовать его безоговорочно. В ходе анализа изучаемой проблемы выбор сделан в пользу понимания сверхтекста, которое разработано В. Н. Топоровым и подразумевает ориентированность некоторого

количества текстов на внетекстовый культурный феномен (событие, имя, место)⁵, играющий роль организующего и смыслогенерирующего центра; учитываются и достижения недавних разработок в этой области, предлагающих расширительное толкование понятия сверхтекста (Н. А. Купина, Г. В. Битенская, А. Г. Лошаков).

Анализ теоретических аспектов изучения лирических единств показал, что отдельные устоявшиеся представления не охватывают многие особенности художественной практики и не передают подлинную сложность процессов циклизации. Так, спорной представляется распространённая идея о закреплённой композиции как дифференцирующем признаке авторского цикла, представляющего подлинно художественную целостность. Данный подход связан с общим недостатком многих цикловедческих работ, т.е. с игнорированием текстологического измерения, генезиса лирических единств. Состав, композиция, статус отдельных частей и даже разновидность циклических структур могут меняться автором. Творческая история во многих случаях показывает их естественную подвижность и открытость. Практика О. Мандельштама подтверждает, что он постепенно склоняется к идее равноценности разных стадий творческого процесса, и он не одинок, но наиболее последователен в этом. Подлинно художественное единство цикла не исключает сложного сочетания инвариантных и вариативных компонентов. Центрирующие силы связаны со сложной структурой циклового субъекта, с его стремлением к интеграции и одновременно дифференциации компонентов цикла и соответствующих им компонентов или фаз лирического сознания, с динамикой этих процессов. Граница между редакциями лирических единств и разными лирическими единствами является сложной проблемой, связанной с поисками некой художественной константы, инвариантного ядра.

В первой главе в ходе оценки полемических узлов цикловедения устанавливается методологический принцип, согласно которому циклизация – продукт и авторского творчества, и его рецепции. Эти аспекты взаимосвязаны. Элементы рецептивного анализа подвергаются научной рефлексии как в случае с авторским циклом, ибо его композиционная идея по своей природе вариативна, во многом зависит от угла зрения реципиента, так и в обширном поле моделирования неавторских лирических единств. При этом нужно иметь в виду, что степень участия автора в создании того или иного лирического единства может быть скрыта от читателя, если речь идёт о неосуществлённом проекте. Поэтому избран более нейтральный термин «несобранные лирические единства». Анализ этой части наследия поэта требует особо тщательного изучения специфики поэтической системы, в частности, межтекстовых связей, и обоснования прин-

---

⁵ См.: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

ципов взаимодействия объективно существующих признаков с субъективным восприятием реципиента.

В ходе рассмотрения указанных, а также других проблем цикловедения избрана следующая рабочая дефиниция: *Цикл – это особая разновидность наджанровой контекстовой формы, в которой части соединяются в специфическую художественную целостность, сохраняя свою потенциальную (изначальную или приобретённую) автономность, и в которой особым образом обыгрывается дискретность.* Лирические единства нециклической природы, например, совокупности равноценных редакций или подборки, могут тяготеть к природе цикла.

В главе рассматриваются также проблемы изучения крупной разновидности циклических структур, а именно книги стихов. Мы придерживаемся мнения, что сборник по своей природе отличается от книги стихов как от цикловой структуры с большей степенью художественной целостности и с иной исходной установкой – воспроизвести цельность отдельного этапа духовного и творческого развития. К книге стихов в равной мере, как и к небольшим циклам, относится мысль о потенциальной и реальной изменчивости и о синтезе инвариантных и вариативных элементов. Природа интегрирующих связей в книге стихов сложнее и многослойнее, нежели в малых лирических единствах, однако это не означает, что объём способствует размыванию архитектоники. Пути достижения художественной целостности обнаруживают себя в субъект-объектной, субъект-субъектной, сюжетно-композиционной, образно-мотивной организации книги, в обобщённых лирических коллизиях. На всех обозначенных уровнях расширяется масштаб и усложняется структура, включаются такие параметры, как взаимодействие циклов, разделов друг с другом и с отдельными стихотворениями. Лирический сюжет структурных единиц также встраивается в сюжет книги стихов. Под лирическим сюжетом мы понимаем взаимодействие события переживания и изображаемых событий, ситуаций, коллизий, в котором эмпирические детали складываются под воздействием переживания в определённую последовательность, выражая отношения лирического сознания и мира. Компоновка отдельных текстов и лирических единств внутри книги имеет важное значение для формирования сюжета книги стихов.

Сюжет лирического цикла и книги стихов в большей степени, нежели сюжет отдельного лирического стихотворения, приближается к природе эпического и драматического сюжета и к некоторым внелитературным дискретным формам, например, к дневнику. Мифотворчество также развёртывается наиболее полно именно в цикловом сюжете. Чрезвычайно важными и, как правило, концептуально насыщенными представляются композиционные принципы кни-

ги стихов, будь то вторичная архитектоника, обыгрывание жанрового или хронологического принципов композиции.

В лирике конкретного автора постепенно складывается *индивидуальная текстовая система*, которая коррелирует с другими системными факторами. Внутри неё получают своё специфическое значение статусные модификации текстовых единиц (отрывок – законченное самостоятельное стихотворение – редакция – часть цикла – стихотворение, отброшенное или включённое в многокомпонентное единство), их объединение и разъединение, разнообразные межтекстовые связи, смена контекстов и т.п. Лирические единства, с одной стороны, входят в эту систему, с другой стороны, отражают и иные уровни авторской индивидуальности: характер образности, философско-эстетические воззрения, композиционные принципы, интертекстуальные связи.

Связь системы лирических единств в поэзии О. Мандельштама с его эстетическими идеями и поэтической философией рассматривается во **второй главе «Философско-художественная составляющая лирических единств О. Мандельштама»**. Она состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе «Философско-эстетические идеи О. Мандельштама и принципы циклизации в его лирике»* проведена параллель между представлениями поэта о природе поэтического слова, о целостности художественного произведения, о творческом порыве, с одной стороны, и структурой его лирических единств, с другой. Поэтика лирических единств коррелирует с увлечением О. Мандельштама наукой неклассического периода, прежде всего, построениями Анри Бергсона, которые поэт воспринимает творчески. Представления поэта о единстве как онтологической и культурологической категории восходят к разным источникам. В частности, О. Мандельштам под влиянием Бергсона стремится к познанию органического единства мироздания, находя различные метафорические коды для обозначения уровней этого единства: архитектурный баланс (готика), чаадаевское понимание единства истории, теория эволюции Ламарка, художественное мышление Данте. Он как бы переключает общую философскую концепцию в эстетический регистр и делает носителем и хранителем единства Слово, понятое как онтологическая сущность. Отталкиваясь от Бергсона, О. Мандельштам тяготеет к художественной концепции явлений, данных не в причинно-следственных связях и развёртывании в линейном времени, а в органической связи эпох, сфер, персон, явлений для создания сложного синтеза с внутренними «зеркалами». К Бергсону же восходит идея поэтического порыва, несущего в себе имманентную целостность всех составляющих, доверие к органике творческого процесса и текстопорождения.

Признаки неклассического мышления имеет и понимание слова как сложной, циклической в своём смысловом развёртывании, разнонаправленной

энергии, «пучка» с торчащим из него в разные стороны смыслом. Развитие семантических метаморфоз может происходить в создании неких цепочек внутри одного произведения и группы произведений. Именно так происходит в лирике О. Мандельштама, пронизанной лейтмотивами и смысловыми превращениями, как кровеносной системой. Разные периоды стихотворной речи (строку, строфу, фрагмент, цельную лирическую композицию) поэт считал соприродными слову. Можно предположить, что и в лирических единствах осуществляется природа поэтического слова как сложной семантической структуры, внутри которой части имеют единую внутреннюю форму. Стратегия «превращения и скрещивания», одновременность и множественность смысловых потоков, о которой писал Мандельштам в поэтологическом эссе, посвящённом Данте, характеризуют и его поэтическую систему, в частности, структуру и поэтику лирических единств.

Второй параграф «Вариативность как основа для циклизации» содержит анализ феномена вариативности в разных его проявлениях, в том числе вербально выраженной, проявляющейся в автоцитировании, обыгрывании разных контекстов, тяготении к разветвлению замысла, к сопоставлению разного хода поэтической мысли, вышедшей из одного исходного элемента. Являясь одной из универсалий искусства слова, вариативность, переходя из феномена истории текста в свойство поэтики, отражает сущностные черты индивидуальной художественной системы.

Обретение вариативностью качества художественности началось ещё в классической русской поэзии, но происходило это, как правило, спорадически – в отдельных композиционных ходах или в специфических межтекстовых связях, в некоторых случаях было сущностным признаком поэтической системы (лирика Ф. Тютчева). Особое значение имела экспликация разных «голосов» внутри единого лирического сознания. Общий признак подобной диалогичности порождал разные формы, например, диалог как лирический жанр, такие парные структуры, как двухчастное стихотворение с отчётливым противопоставлением частей, двойчатка, явственные переключки и повторы вне отчётливой рамки, эффект двоения замысла при создании разных редакций.

В начале XX века вариативность становится системным явлением, находя выражение в текучести слова, непрестанном варьировании замысла, игре разными контекстами, придании вариациям жанрового и циклообразующего статуса (Ф. Сологуб, А. Белый, В. Хлебников, Б. Пастернак). Подобное явление отражает не только индивидуальные особенности поэтов, но и такие свойства философско-художественной мысли, как вероятностное миропонимание и признание множественности точек отсчёта. На этом фоне О. Мандельштам выглядит наиболее последовательным проводником идеи равноценности разных вер-

сий единого замысла, что приводит его к созданию вполне определённых композиционных форм.

В первом разделе второго параграфа «Уровни и формы вариативности» показаны формы воплощения данного феномена как в характере поэтического мышления О. Мандельштама, так и на таких уровнях его поэтической системы, как композиционные принципы, поэтический синтаксис, образно-мотивные переключки. Наиболее наглядно это явление продемонстрировано в формах циклизации, обыгрывающих повтор слова-образа, строки, периода, в принципах парности и зеркальности, отражающих бинарные свойства художественного мышления поэта, когда два текста содержат зеркально отражающие друг друга или противоположно направленные векторы образности («Я вздрагиваю от холода...» и «Я ненавижу свет...»: символ звёздного луча, «булавки заржавленной», направленной на лирического героя, противопоставлен образу «тонкой иглы» башни, ранящей небо), в рождении цикла из единого черновика («Соломинка», частично «Армения»), в некоторой недискретности и диффузности поэтической ткани, характерной особенно для зрелого периода, в версиях цикловой композиции.

Нами предложена классификация лирических единств О. Мандельштама, основанных на принципе вариативности. Выделены следующие дифференцирующие критерии: спонтанность / преднамеренность повтора, объём, природа и характер компоновки варьирующихся элементов, наличие / отсутствие рамочных структур, способ авторской репрезентации. В соответствии с этими критериями наиболее спонтанными и незапрограммированными выглядят *образно-мотивные вариации*, растворённые в общем потоке стихов («гнёзда»). На другом конце воображаемой шкалы – *традиционные авторские циклы* (например, «Летейские стихи»), в том числе двойчатки, то есть двухчастные структуры с рамочными элементами и повторяющимися фрагментами («Соломинка», «Сеновал»). Формально не выделены автором *темы и вариации*, свидетельствующие о более или менее сознательном сближении текстов (два стихотворения с названием «Египтянин», стихи о веке), *двойчатки* без рамки («1 января 1924» и «Нет, никогда ничей я не был современник...»).

Второй раздел второго параграфа «Разные редакции лирических стихотворений как открытые структуры» призван продемонстрировать, как воплощается вариативность в равноценных редакциях лирического стихотворения. Равноценными редакции можно признать условно при отсутствии авторского выбора (стихи об Исаакиевском соборе – «Люблю под сводами седая тишины...» и «Исакий под фатой молочной белизны...», послание «Кассандре») и практически безусловно, если есть свидетельство интенции поэта со-

хранить разные редакции как некое лирическое единство (две версии первой части цикла «Кама»).

Наиболее спорным моментом в мандельштамоведении является различие разных редакций как факта творческой истории и совокупности равноценных редакций как особого лирического единства, открытой структуры. Рассмотрев редакции стихотворения о Риме («Когда держался Рим в союзе с естеством...») и «Природа – тот же Рим и отразилась в нём...»), об Исаакии («Исакий под фатой молочной белизны...») и «Люблю под сводами седья тишины...»), послания «Кассандре», стихотворения «Ариост», первой части цикла «Кама», мы пришли к выводу, что проблема дифференциации феноменов текстологии и поэтики должна решаться с учётом свидетельств об интенциях автора относительно репрезентации замысла, объёма и характера компоновки инвариантных и вариативных элементов, природы повторов, хронологии. Редакции, в которых повторяющиеся фрагменты даны компактно и наглядно демонстрируется иной контекст, имеют сходство с формой двойчатки. Сами эти фрагменты в поэзии О. Мандельштама представляют собой цельные, слегка варьируемые и обычно чётко отграниченные структуры. В то же время причина варьирования может быть мнемонической, как в случае с «Ариостом», или связанной с автоцензурой (цикл «Кама»), что в целом не исключает признака художественности и равноценности разных манифестаций замысла.

Таким образом, философско-эстетические представления О. Мандельштама, а также вариативность, проявляющаяся в свободной, противоречивой поэтической мысли и на разных уровнях художественного целого в его лирике, во многом определяют и характер циклизации.

В третьей главе «Авторские лирические циклы О. Мандельштама» предпринят анализ оригинальной формы двойчаток и традиционных лирических циклов поэта, которые также несут на себе признаки своеобразия.

Самой необычной формой в лирике Мандельштама являются двойчатки. Им посвящён *первый параграф «Двойчатки О. Мандельштама как микроцикл»*. В понимании природы этого типа микроцикла у исследователей нет единогласия. «Двойчатками» иногда называют разные по своей природе парные структуры, соотносимые друг с другом благодаря варьирующимся элементам текста. Целесообразно для бóльшей ясности отделить двойчатки от других форм вариаций. Повторы в них совершаются не только на уровне лексико-семантических единиц, дискретных образов и мотивов, но и на уровне цельных синтаксических периодов (стихотворных строк, строф, невыделенных фрагментов). На первый план выходит композиция. Такой тип повторов продуцирует особый вид связи между частями парного единства, отличающегося от других вариаций своей открытой структурированностью и элементами зеркальной

композиции. «Двойчатки» тяготеют к формально выраженной или подразумеваемой рамке, внутри которой и осуществляется взаимодействие частей. Разрыв между двумя половинками «двойчатки» имеет свой специфический смысл: это и есть своеобразное распутье, где поэт пытается выбрать другой поворот развития замысла. Если образные и тематические вариации в целом воплощают избыточность творческой игры, то «двойчатки» – более строгая форма, отражающая диалогичность лирического сознания. Это свойство воплощает общую природу лирики О. Мандельштама.

В двойчатках О. Мандельштам развивает традицию, представленную в русской поэзии пунктирной линией, особенно в лирике близких раннему О. Мандельштаму Ф. Тютчева и Ф. Сологуба, и проявившуюся в раздвоении замысла, парных текстовых структурах или двухчастных композициях, внутри которых соотношение частей отражает вербально выраженный повторами внутренний диалог лирического сознания, разные, а подчас и противоположные повороты мысли.

Двойчатки следует отличать от двухчастных стихотворений, где одна без другой части непредставимы, хотя грань между этими формами очень тонкая и прозрачная, и от двухчастных циклов без повторов стихотворных периодов. Двойчатки хронологически компактны и несут на себе следы последовательной работы над композицией и художественной игры повторами и вариациями с целью семантического эффекта. Эта форма наиболее ярко отражает драматизм лирического сознания О. Мандельштама, процесс формирования, прояснения и выбора позиции лирического субъекта, природу внутренних коллизий и стремление поэта развести и сопоставить разные грани сознания, вступающие в отношения конфронтации или более сложные и многосоставные отношения.

Важна не только модель парной структуры, но и сам процесс разделения единого текстового полотна, который может иметь разную природу и привести к разным результатам: это либо рождение из одного стихового организма двух («Соломинка»), либо нечто вроде палимпсеста, т.е. написания второго текста на основе первого («Исакий под фатой молочной белизны...» и «Люблю под сводами седья тишины...»), либо отпочкование, метаморфоза замысла, случившаяся в какой-либо точке работы над текстом благодаря открывшимся новым смыслам («1 января 1924» и «Нет, никогда ничей я не был современник...»).

В контексте главы об авторских лирических единствах естественно обращение к тем двойчаткам, которые имеют рамочные элементы хотя бы в одной из манифестаций замысла. В связи с этим особую важность здесь приобретает творческая история лирического единства. Среди двойчаток есть обрамлённые

(«Соломинка», «Сеновал» в одной из редакций⁶), необрамлённые и поэтому входящие в число несобранных циклов («1 января 1924» и «Нет, никогда ничей я не был современник...») и вошедшие в более сложную структуру («Восьмистишия»). Все обрамлённые композиции демонстрируют разный характер соотношения двух частей, восстановить который иногда помогает анализ черновых редакций. В случае «Соломинки» это (1) хрупкость жизненного мига, вопрошание о тайнах бытия – (2) торжественные «ответы» запредельного мира. В «Сеновале» это (1) жажда восстановления гармонии – (2) решительный порыв к её восстановлению. Анализ редакций цикла показал, что перестановка стихотворений внутри разных версий оправдана сложностью рождения поэтической мысли. В связи с этим две части «Сеновала» мы трактуем не как тезис и антитезис при всей очевидности противопоставления в финальных фрагментах (ср. варьирующиеся строфы: «Чтобы розовой крови связь, / Этих сухоньких трав звон, / Уворованная нашлась / Через век, сеновал, сон» (II, 39) – «Чтобы розовой крови связь / И травы сухорукий звон / Распростились: одна – скрепясь, / А другая – в заумный сон» (II, 40)), а, с учётом контекста и генезиса цикла, как две ступени единого лирического переживания и единой мысли о преодолении хаоса в мироздании и в собственной душе.

Обе части двойчатки «Заблудился я в небе...» строятся на столкновении героического, трагического и идиллического начал, но их художественный строй совершенно разный. В первой части коллизия между страстным жизнелюбием и приятием необходимости жертвы, между сознанием достоинства Мастера и смиренным растворением собственного «я» в служении «всем живущим» дана в трагическом ключе. Вторая часть смягчает провиденциальную линию, ставит многоточие. Радостное изумление перед обаянием жизни, увиденной и с земли, и с небес, кажущаяся случайность избыточных перечислений («Голубятни, черноты, скворешни, / Самых синих теней образцы...» (III, 129–130)), не подчинённых строгой объединяющей мысли, – всё это создаёт впечатление особой ценности каждого мига, усиленное предчувствием смерти.

Во *втором параграфе «Традиционные лирические циклы в поэзии О. Мандельштама»* дан анализ нескольких циклов. Некоторые из них публиковались только в периодике, а в книгах стихов были модифицированы или расформированы поэтом: «Петрополь» (1916–1919)⁷, «Летейские стихи» (1920–1923)⁸, «А небо будущим беременно...» (1923)⁹. Фрагмент «Из цикла “Рим”»

⁶ Гостиница для путешественников в прекрасном. 1922. № 1 (ноябрь). С. 4.

⁷ Свободный час. 1919. № 9 (2). Внутренняя сторона обложки.

⁸ Накануне. 1923. Литературное приложение № 47 (8 апреля) к № 304. С. 1.

⁹ Лёт. Авио-стихи / под ред. Н. Н. Асеева. М., 1923. С. 24–26.

(1915)¹⁰ так и остался фрагментом и был «рассыпан». В параграфе представлена его гипотетическая реконструкция. В сводах 1930-х годов вариативность сказана в планах композиции цикла «Армения», отличавшихся от первой публикации, и в колебаниях между двухчастной и трёхчастной версиями цикла «Кама».

Изначально О. Мандельштам явно тяготел к форме триптиха. В триптихах 1920-х годов элементы кольцевой композиции коррелируют с завершённостью мифопоэтического сюжета. В цикле «Петрополь» поэт создаёт миф о погибающем Петербурге, но одновременно запечатлевает весь круг жизни, что придаёт триптиху определённую завершённость и хронотоп мифа с его циклической природой и темой вечного возвращения. «Летейские стихи» воплощают миф о рождении, смерти и бессмертии Слова. При этом именно конкретная авторская композиция 1923 года («Я слово позабыл, что я хотел сказать...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...») акцентирует начальное положение наиболее драматичного текста, срединную позицию стихотворения о поэтическом слове как даре возлюбленной (и всем людям), о бессмертии, оплаченном ценою смерти, наконец, финальную позицию стихотворения-сказки о нисхождении жизни в царство мёртвых, обитатели которого жаждут воплощения. Финальный аккорд придаёт циклу атмосферу светлого трагизма.

В 1930-е годы в циклах-триптихах композиция становится более сложной и открытой, подразумевая незавершённость мысли и запечатлённых коллизий. В «Стихах о русской поэзии» уже не рамочные тексты варьируют мотивы, как в «Летейских стихах», а смежные: композиционная фигура строится как цепь с существенной модификацией звеньев по принципу градации. С каждым новым звеном усиливается семантика расчеловечивания в мире русской поэзии, уподобленном лесу: «Пахнет потом – конским топом – / Нет – жасмином, нет – укропом, / Нет – дубовою корой» – «С рабским потом, конским топом / И древесною молвой» (III, 67). Цикл «Кама» противоречиво сопрягает в себе примирительные ноты, тему несвободы и стремление познать русскую глубинку. Именно в силу драматичных коллизий лирического сознания, запечатлённых в этом триптихе, возникли противоположные по смыслу версии первой части – так называемая вольная и подцензурная. Однако дело не столько в том, что были написаны редакции для себя и для печати, сколько в том, что и та, и другая отражали разные полюса лирического сознания.

Другой тип авторских циклов («А небо будущим беременно...», «Армения») отмечен эпическим масштабом, разнообразием циклообразующих компонентов. В отличие от триптихов, О. Мандельштам в крупных циклах прибегает к контрастным ритмико-метрическим, жанровым и образно-стилевым

---

¹⁰ Голос жизни. 1915. № 14 (1 апреля). С. 10.

формам, играя на чередовании или синтезе идиллических и апокалиптических мотивов («А небо будущим беременно...») или на переплетении эпического компонента (образ Армении) и лирического (исповедальные ноты цикла «Армения», тема судьбы поэта).

В целом можно сделать вывод, что О. Мандельштам тяготел к небольшим цикловым формам, двойчаткам и триптихам, но иногда структура усложнялась посредством инкорпорирования текстов в другой цельный текст, использованный как основа («А небо будущим беременно...»), разветвления единого черновика и создание всё новых вариаций темы («Армения»). Разнообразная драматургия двойчаток передаёт имманентную конфликтность лирического сознания.

Отличительной чертой **четвёртой главы «Несобранные лирические единства в лирике О. Мандельштама»** является определение специфики рецептивной циклизации при восприятии и изучении мандельштамовской поэзии. Глава включает два параграфа. В *первом параграфе «Типология несобранных лирических единств»* показаны разные их типы в зависимости от степени авторского участия, от субъекта моделирования: несобранные циклы на основе неосуществлённых планов поэта; циклы, о которых свидетельствует Н. Я. Мандельштам, опираясь на свои наблюдения над творческим процессом; исследовательские циклы, «сконструированные» на основе общего хронотопа нескольких стихотворений, тематического, образно-мотивного, ритмико-метрического родства.

Несобранные лирические единства теснейшим образом связаны с формами межтекстовых связей, которые восходят к вариативности. Они могут возникать в сознании реципиента на основе образно-мотивных вариаций («Из омута злого и вязкого...», «В огромном омуте прозрачно и светло...», «Неумолимые слова...»), объединения общей темы с образными вариациями («театральные» стихи «В Петербурге мы сойдёмся снова...», «Чуть мерцает призрачная сцена...»). Изучение истории лирических текстов О. Мандельштама порой указывает на то, что разные по своему поэтическому строю стихотворения вышли из единого черновика (например, «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Неправда», «Нет, не спрятаться мне от великой стены...»). Несобранные лирические единства могут «конструироваться» также из авторского цикла и стихотворений-спутников, т.е. текстов, по какой-либо причине не вошедших в цикл, («Армения» и стихотворения «Колочая речь Араратской долины...», «Как люб мне натугой живущий...», «Дикая кошка – армянская речь...», «И позверину воет людье...»). Безусловно к этому разряду относятся несобранные двойчатки («Чернозём» и «Я должен жить, хотя я дважды умер...» и др.).

Наиболее эффективным представляется учёт разных критериев при выделении несобранных циклов, а эталонной в данной области следует признать ра-

боту Ю. И. Левина о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама, объединённых на основе общего хронотопа, которому соответствует единая художественная концепция. В сущности, речь здесь идёт о разновидности сверхтекстового единства, ядром которого, как представляется, стал авторский цикл «Летейские стихи».

В первом параграфе представлен детальный анализ двух несобранных циклов О. Мандельштама. Один из них реконструируется на основе архивных материалов, прежде всего, авторизованного списка стихотворений, репрезентированного как проект цикла «Семь стихотворений»¹¹: «Мы с тобой на кухне посидим...» (январь 1931); «Не говори никому...» (октябрь 1930); «Куда как страшно нам с тобой...» (октябрь 1930); «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз...» (декабрь 1930); «Я скажу тебе с последней прямокой...» (март 1931); «После полуночи сердце ворует...» (март 1931); «На полицейской бумаге верже...» (октябрь 1930). Цикл стихов о щегле (1936) выделен по признаку единого ключевого образа, однако интерпретация его структуры и подтекста также потребовала обращения к рукописным материалам¹², которые помогли в неприятельной песенке о птичке увидеть значимый подтекст и отражение темы «смерть поэта», чрезвычайно важной в лирике О. Мандельштама.

Наиболее традиционный вид несобранных лирических единств – «персональные» циклы, в которых сильным интегрирующим элементом являются адресат и биографический субстрат. Одной из разновидностей таких единств посвящён *второй параграф четвёртой главы «Циклы стихов, обращённых к женщинам»*, где на материале трёх циклов, связанных с Анной Ахматовой, Ольгой Ваксель и Натальей Штемпель, показаны проблемы изучения и индивидуальные особенности такого типа несобранных циклов в поэзии О. Мандельштама. К традиционным проблемам относится выяснение адресата, биографической основы и оценка их важности для понимания лирических текстов. Специфика циклов О. Мандельштама, обращённых к женщинам, прежде всего, любовных, заключается в том, что они вбирают в себя всю мандельштамовскую поэтическую онтологию. Отсюда образные и смысловые переключки со стихами другого жанрового генезиса.

Объединяет «персональные» циклы интенция создания лирического портрета и определённая диалогическая структура, отражающая отношения лирического субъекта и адресата / героя (героини), как они осмыслены поэтом в рамках конкретного замысла. В общие темы жизни и смерти, судьбы культуры

¹¹ ОР ГЛМ. Ф. 247. М. А. Зенкевич. Оп. 1. № 40. 8 лл.

¹² РГАЛИ. Ф. 1893 (О. Э. Мандельштам). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 7–7 об. Авторизованный список стихотворения «Мой щегол, я голову закину...» со строфами, записанными рукой О. Мандельштама.

в циклах, посвящённых женщинам, органично вплетается тема «блаженных жён», предназначенье которых – «сопровождать воскресших и впервые / Приветствовать умерших» (III, 138). При этом О. Мандельштам передаёт и подлинный драматизм любовных отношений. Таким образом, любовная лирика поэта вступает в диалог как с традицией петраркизма, предполагающей сакрализацию женского образа, так и с традицией, ориентированной на реальный драматизм любовного «поединка».

При всей проницаемости лирических текстов, порождающей кочующие мотивы, в каждом цикле, вдохновлённом женщиной, О. Мандельштам создаёт особое художественное пространство. Ассоциативно-метафорический строй в любовных циклах О. Мандельштама доминирует над повествовательными элементами. Применительно к большинству любовных циклов можно говорить о мифотворчестве, в котором используется театрально-музыкальная, живописная, собственно мифологическая, литературная образность. На реальные отношения накладывается узор разыгрываемого сюжета, и многие смыслы цикла открываются именно в таком драматическом взаимодействии. На этом фоне особо заметны «прорывы» в реальную психологию любовных переживаний и собственно эротические моменты (например, в стихотворении «Я наравне с другими...»). Столь же заметны внешние вехи истории взаимоотношений, ибо биографические и исторические реалии хоть и преображаются лирическим контекстом, но остаются узнаваемыми, становясь частью лирического сюжета стихотворения и общего циклового сюжета.

Поэтическая система О. Мандельштама в силу исключительной степени внутренней целостности открыта для выявления самых разнообразных несобранных лирических единств, изучение которых целесообразно осуществлять с учётом целого комплекса критериев: степени участия автора, если речь идёт о неосуществлённом проекте, модификации или деконструкции единства; признаков общего художественного универсума, тематической, образно-мотивной, ритмико-метрической общности.

Пятая глава «" Большая форма" в лирике О. Мандельштама (книга стихов, "тетрадь")» призвана выявить специфику крупных форм циклизации на материале трёх редакций «Камня», «Второй книги», сводов 1930-х годов.

В *первом параграфе «Принципы книготворчества в поэзии О. Мандельштама»* показано, что малые лирические единства и книга стихов являлись для поэта и формально, и содержательно разными типами циклизации. В книгах он постепенно стал придерживаться хронологического порядка и восстанавливать органику творческого потока, отвергая вторичную композиционную иерархию. Некоторые докнижные циклы были расформированы или модифицированы, встраиваясь в более сложную книжную композицию. Откры-

тый временной контур стал в лирике О. Мандельштама смыслоёмким способом отражения цельности и целостности творческой личности, её духовного роста. Вместе с тем ориентация на органичность потока, восходящая к органицизму художественного мышления поэта, сочеталась у О. Мандельштама с тщательным выстраиванием книги стихов, поэтому специфику его книготворчества следует искать в продуктивном противоречии между спонтанностью текстопорождения и волевой организацией композиции.

Хронологический принцип и отдельные элементы дневниковых форм не означают в лирике О. Мандельштама отчётливой ориентации на автобиографический миф. Временное и личное измерения во многом подчиняются его художественной онтологии, натурфилософии и историософии. Доминирует ассоциативная и мифопоэтическая целостность. Сюжетообразование генерируется, прежде всего, развитием лирических коллизий, динамикой поэтических моделей мироздания, в которых сложно сочетаются образно-мотивные константы и их непрекращающиеся метаморфозы.

В первом разделе первого параграфа «Три редакции “Камня”»: эволюция замысла» показано развитие замысла дебютной книги поэта с учётом того, что первые две редакции изучены достаточно хорошо, а третья не получила детального анализа. Три редакции «Камня» демонстрируют характерную не только для О. Мандельштама вариативность состава и композиции книги стихов. «Камень» как бы растёт вместе с автором, расширяясь количественно и меняясь концептуально, но сохраняя при этом инвариантное ядро, связанное с движением от экзистенциального ощущения пустоты к твёрдым бытийным основам, созидательному центру личности и мироздания; с философско-религиозным аспектом символа камня, трактующим идею божественной и/или человеческой воли; с темой Петербурга и русской истории. Изменения книги проявляются в расширении полюса твёрдых культурно-исторических основ, в углублении трагизма концепции бытия и культуры, затем в выходе к взвешенному философско-поэтическому осмыслению хода времён.

Третья редакция выходит в том же 1923 году, что и «Вторая книга», и некоторыми своими сегментами пересекается с ней, ибо включает тексты 1916-1923 годов. Эти вкрапления, как и нарушение хронологии, а также другие композиционные решения поэта ставят под знак сомнения спасительную роль культуры, углубляют трагизм и развивают мотивы энтропии. В частности, в финальном комплексе третьего «Камня» выявлен характерный для книготворчества Мандельштама-лирика, композиционный приём чередования текстов. Здесь перемежаются стихи с разной доминантой – патетической утопии и трагической историософии (например, «Пусть имена цветущих городов...» – «Природа – тот же Рим...»). В характерной развилке поэтической мысли на од-

ной стороне пребывает идеальное пространство и уверенность в гармонии бытия («И море, и Гомер – всё движется любовью...» (I, 115)), на другой – скепсис и тревога по поводу повторяющихся волн истории («Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать, / Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!» (I, 102)). Завершается третий «Камень» пиндарическим отрывком «Нашедший подкову». Высвечивается, прежде всего, тема конца эллинско-христианской эры. Вместе с тем финальный аккорд в известной степени снимает остроту трагической мысли о разрушительном времени. От зачина к финалу выстраивается парадигма рождения, созревания, смерти и возрождения Слова-Культуры, лишённая однозначного патетического завершения.

Второй раздел первого параграфа «"Вторая книга": жанрово-композиционные контуры» посвящён книге стихов, которая почти не изучалась, ибо воспринималась как ранний вариант «Tristia». Между тем, она представляет собой оригинальную композицию, базирующуюся на своеобразном каркасе из стихотворений, восходящих к одической традиции: «Зверинец» и «Грифельная ода» составляют «державинское» кольцо, с ними внутри композиции перекликается стихотворение «Сумерки свободы», а в финальной группе – «Век» и «пиндарический отрывок» «Нашедший подкову» с их эпическими компонентами. Во «Второй книге» цельно и масштабно, насколько было возможно в условиях советской цензуры, отражено отношение поэта к историческим катастрофам и строительству нового мира. Каркас композиции создаёт эпическое пространство книги стихов и обозначает движение от современности к вечности, от истории и культуры к природе и пребыванию Слова / Речи в мироздании. Весь спектр жанрово-родовых модуляций, от эпоса до интимной лирики, изменяется и выстраивается именно в таких координатах.

Зачин (ода «Зверинец») и финал («Грифельная ода»), как показал сравнительный анализ, не просто восходят к общей жанровой традиции, но имеют и значимые образно-мотивные и тематические переклички. Начав с темы мировой войны, инициировавшей катастрофический ход развития истории, и уповая в 1916 году на утопическую идею всеевропейского мира народов, объединённых общими языковыми и культурными корнями, О. Мандельштам приходит в «Грифельной оде» к гораздо более сложным представлениям об укоренённости Слова и культуры в природном универсуме и о титанических усилиях человека по сопротивлению заволаживающему бездуховному сну. Духовность как бы заново рождается в природе благодаря этим усилиям, опоре на «старую песню» и опыт христианской культуры. Поиски собственной правоты, возможности сохранения Слова и культуры в «чаду небытия» и новом жизненном пространстве составляют сюжет «Второй книги», окрашенный семантическими доминантами умирания, истаивания, а, с другой стороны, волнами жизнелюбия и волевых по-

рывов к восстановлению цельности. Хрупкая человеческая жизнь и Слово предстают в поединке со временем в его исторической и метафизической ипостаси.

В четырёх изданиях (три редакции «Камня» и «Вторая книга») видно тяготение О. Мандельштама к кольцевой композиции, предполагающей переключку зачина и финала. Финал при этом обогащается всей сюжетной логикой книги. Опорные тексты составляют своеобразный каркас композиции с выраженным центром-кульминацией (стихотворением или группой стихотворений). Сложная система межтекстовых связей и композиционных принципов в поэтических книгах О. Мандельштама, основанная на переплетении, скрещивании, общих сегментах, сквозных линиях и способствующая появлению несобранных лирических единств, соответствует сложившемуся книжному сюжету, который отражает духовную и творческую эволюцию поэта в образе её естественного развёртывания во времени.

Второй параграф «"Тетради" как форма лирического единства» призван дать характеристику ещё одной цикловой форме, которая сложилась у О. Мандельштама в 1930-е годы и зафиксирована в рукописных сводах, но воспроизводится не во всех изданиях. Отличительной чертой «тетради», соотносимой с разделом книги стихов, становится естественность границ, определяемых единством поэтического порыва и трудноуловимыми феноменами творческой психологии (чувством истощенности, новыми смысловыми и образными импульсами), нашедшими выражение в желании поэта фиксировать следующий поток стихов в новой тетради. В силу вариативности состава и композиции «тетрадей» в разных редакторских решениях судить о них как о лирическом единстве можно, лишь отвлекаясь от конкретной версии последовательности стихов и выявляя некоторые художественные парадигмы, отражённые в соотношении циклов, образно-мотивных комплексов и в других связях.

На примере лирического единства, условно называемого «Первая московская тетрадь», выявлены некоторые особенности сюжетосложения внутри данной формы. Цикловой сюжет продуцируется здесь, в частности, в соотношении трагизма зачина (цикл «Армения»), всего образно-тематического слоя, связанного с этой «субботней страной» в других стихах, с одной стороны, и импрессионистической свободы, перенасыщенности «шумом времени» и его плотью в несобранном цикле стихов о Москве, с другой. Кульминацией трагизма является так называемый «волчий» цикл, а внутри него – стихотворение «Сохрани мою речь за привкус несчастья и дыма...», где отражается такая степень причастности к эпохе, которая подводит вплотную к возможности внутреннего перерождения, потери собственной идентичности. «Первая московская тетрадь» несёт на себе следы приёма соотнесения текстов с трагической доминантой и текстов, эпически широких в своём осмыслении реальности. Иногда вариации

вырастают из единого замысла, как, например, стихотворения «На высоком перевале...» («Фазтонщик») и «Как народная громада...». Выявлены также циклообразующие компоненты других «тетрадей».

Крупные цикловые формы в поэзии О. Мандельштама отличаются от малых лирических единств стремлением поэта отразить органику текстопорождения и духовно-творческого развития в её реальном течении. Именно в книгах и «тетрадах» наиболее полно развёртываются глубинные коллизии мандельштамовской лирики.

Заключение подводит итоги работы, содержит выводы и намечает перспективы дальнейшего развития и освоения темы. Проведённое исследование показало, что лирические единства О. Мандельштама представляют собой своеобразную систему, генерируемую особенностями его поэтического мышления и эстетики. Значимым моментом авторских рефлексий является идея поэта об устремлённости слова с его «пучком» значений вовне, которая определяет не только мощные внутренние связи поэтической системы, но и превращения, осуществляемые на разных уровнях стихового целого и в межтекстовых переключках. Логически связана с этими представлениями мысль поэта об изоморфности различных периодов стихотворной речи (строки, текста), ибо все они, по О. Мандельштаму, подобны единому слову как семантическому феномену.

Чрезвычайно важны для восприятия динамики текстовой системы в лирике О. Мандельштама идеи А. Бергсона, понятые поэтом в определённом ключе, в частности, представление о порыве, несущем в себе органическое и неповторимое единство. Органика текстопорождения относится в поэзии О. Мандельштама к магистральным основаниям циклизации, особенно последовательно осуществлённым в форме книги стихов и сводах 1930-х годов. Она отражена в выстраивании композиции, которая призвана стать отражением творческого и духовного процесса в его естественном развитии.

В процессе циклизации в лирике О. Мандельштама углублялись эпическое начало, свидетельствующее о целостности его поэтической метафизики и устремлённости к онтологическим основам, а также драматизм лирического сознания, внутренняя полифоничность, включающая конфронтацию «голосов» лирического сознания.

Симультанность художественного восприятия, тяготение к органическому единству множественных феноменов, своеобразный поэтический симфонизм, который О. Мандельштам так ценит в Данте, – всё это отражается и в свободной поэтической мысли поэта, в доверии к разным, подчас противоположным путям её развития. Главным принципом, который определяет оригинальность подвижной иерархии лирических единств, является *вариативность*, которая реализуется на разных уровнях – от художественного мышления до об-

разно-мотивной, сюжетно-композиционной подсистем, а также в формах циклизации. Вариативность находит выражение в разнообразных повторах лексико-семантических элементов, цельных стихотворных периодов (строки, строфы, нестрофического фрагмента). Поэт обыгрывает «зеркальные» отражения сходных элементов, попавших в разные лирические контексты, создавая эффект незавершённости мысли. Особенно нагляден этот эффект в двойчатках. Наличие в поэтическом наследии О. Мандельштама большого количества редакций при отсутствии авторского выбора или склонности автора сохранить разные манифестации замысла также создаёт предпосылки к восприятию этих феноменов как проявлений вариативности.

Вариативность воплотилась в разных типах лирических единств. В традиционных авторских циклах она сказалась как в генезисе, частично связанном с рождением частей цикла из единого черновика, так и в разнообразных повторах, композиции циклов, например, в приёме чередования частей с различными художественными доминантами. Несобранные лирические единства по природе своей теснейшим образом связаны с феноменом вариативности, ибо выявляются реципиентом на основе различных повторов и перекличек на образно-мотивном, проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном, ритмико-метрическом, интертекстуальном уровнях. Поэтическая система О. Мандельштама предрасполагает к конструированию несобранных лирических единств.

Книга стихов и «тетрадь» в лирике О. Мандельштама как крупные цикловые формы, впитывают в себя все названные особенности. На композиционном уровне можно отметить как приёмы чередования текстов с различной поэтической интонацией и жанрово-стилевой доминантой, так и элементы кольцевой композиции, систему опорных текстов, сходных по какому-либо художественному признаку (например, по жанровому генезису). Все эти особенности композиции не только формируют качество целостности, но и способствуют возвращению реципиента к более ранним текстам, интенциям сравнения, выявления вариаций и качественного развития поэтической мысли.

К перспективам исследования можно отнести «достраивание» системы циклизации в лирике Мандельштама за счёт более детального изучения всех периодов творчества поэта, в частности, проблемного периода 1930-х годов, а также за счёт углублённого изучения генезиса, типологии и контекста наиболее оригинальных видов лирических единств, уточнения их природы и понятийно-терминологического сопровождения их анализа.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монография:

1. Минц, Б. А. Авторские лирические единства в поэзии О. Э. Мандельштама 1916 – 1923 годов. Структура и поэтика / Б. А. Минц. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. – 316 с.

Статьи в журналах, включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

2. Минц, Б. А. «Блаженные слова». (Пространство одной строки Осипа Мандельштама) / Б. А. Минц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008. – № 5 (29). – С. 142-146.

3. Минц, Б. А. Осип Мандельштам и Константин Леонтьев (к проблеме русской историософской традиции) / Б. А. Минц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2009. – № 5 (39). – С. 198-202.

4. Минц, Б. А. «Авиационный» цикл О. Мандельштама: к проблеме контекста и толкования / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12, вып. 4. – С. 72-77.

5. Минц, Б. А. Лирический триптих «Петрополь» О. Э. Мандельштама: текстология и поэтика / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 80- 87.

6. Минц, Б. А. Две редакции стихотворения О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе: проблемы текстологии / Б. А. Минц // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – Тамбов : «Грамота», 2013. – № 6 (24) : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 132-136.

7. Минц, Б. А. Две редакции стихотворения О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе: к проблеме поливариантности / Б. А. Минц // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – Тамбов : «Грамота», 2013. – № 9 (27) : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 113-117.

8. Минц, Б. А. Проект Мандельштама «Семь стихотворений» (1930 – 1931): цикл или подборка? / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 1. – С. 60- 67.

9. Минц, Б. А. «Первая московская тетрадь» и проблема большой формы в лирике Мандельштама 1930-х годов / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 82-91.

10. Минц, Б. А. Несобранный цикл О. Э. Мандельштама памяти Андрея Белого (проблемы композиции и жанра) / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 4. – С. 90-98.

11. Минц, Б. А. Вариативность как фактор циклизации в лирике (книга стихов) / Б. А. Минц, Н. Е. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2016. – Вып. 7 (111). – С. 124-130.

12. Минц, Б. А. Стихи о щегле и их место во «Второй воронежской тетради» Мандельштама. Статья первая / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16, вып. 3. – С. 294-302.

13. Минц, Б. А. Стихи о щегле и их место во «Второй воронежской тетради» Мандельштама. Статья вторая / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 421-428.

14. Минц, Б. А. К проблеме вариативности в ранней поэзии О. Мандельштама (на материале стихов о Риме) / Б. А. Минц // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2017. – № 4. – С. 190-197.

15. Минц, Б. А. Зеркало и зеркальность в лирике О. Э. Мандельштама (образный строй, композиционные принципы) / Б. А. Минц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2018. – № 2 (125). – С. 162-169.

16. Минц, Б. А. Проблема циклизации в любовной лирике О. Мандельштама / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 298-307.

17. Минц, Б. А. Проблема различения редакций и циклических структур в лирике О. Мандельштама / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 346-351.

Публикации в других научных изданиях:

18. Минц, Б. А. «Параллельный код» в цикле стихотворений Осипа Мандельштама о Риме. Статья первая / Б. А. Минц // Изучение литературы в вузе : сб. науч. ст. – Вып. 4. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 2002. – С. 121-133.

19. Минц, Б. А. Мандельштам и театр: К вопросу о «театральных» метафорах в поэзии Мандельштама / Б. А. Минц // Междисциплинарные связи при

изучении литературы : сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 2003. – С. 65-69.

20. Минц, Б. А. Природа и культура в ранней поэзии О. Манделъштама / Б. А. Минц // Природа в художественной литературе : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во Ленингр. гос. обл. ун-та им. А. С. Пушкина, 2004. – С. 128-135.

21. Минц, Б. А. Осип Манделъштам и Эдгар По: к проблеме синтеза поэтической и прозаической традиции в лирике Манделъштама / Б. А. Минц // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков : сб. науч. тр. – Вып. 1. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 257-265.

22. Минц, Б. А. Овидий – Пушкин – Манделъштам: к вопросу о синтезе античной и пушкинской традиции / Б. А. Минц // История литературы как филологическая проблема. – СПб. : САГА : Наука, 2006. – С. 33-41.

23. Минц, Б. А. Мотив нисхождения в царство мёртвых в поэзии Осипа Манделъштама: западные и восточные мифологические источники / Б. А. Минц // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 747 – 754.

24. Минц, Б. А. Загадки стихотворения Манделъштама «Посох» / Б. А. Минц // Труды Педагогического института СГУ. – Вып. 4. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 145-156.

25. Минц, Б. А. Мотивы Эдгара По в поэзии Николая Гумилёва и Осипа Манделъштама / Б. А. Минц // Литература как развивающаяся система / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Вып. 10. – СПб., 2006. – С. 23-25. (Приложение к журналу «Родной язык»).

26. Минц, Б. А. «Параллельный код» в цикле стихотворений Осипа Манделъштама о Риме. Статья вторая / Б. А. Минц // Изучение литературы в вузе : сб. науч. ст. – Вып. 6. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 97-105.

27. Минц, Б. А. Роль цензуры в судьбе воронежских стихотворений Манделъштама / Б. А. Минц // Цензура как социокультурный феномен. – Саратов : Изд-во «Новый ветер», 2007. – С. 214-226.

28. Минц, Б. А. Гоголевские мотивы в творчестве Осипа Манделъштама / Б. А. Минц // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья. – Ч. 2. – Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 241-248.

29. Минц, Б. А. Концепция слова в эстетике Осипа Манделъштама и лингвистические идеи его времени / Б. А. Минц // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : ИЦ «Наука», 2008. – С. 220-225.

30. Минц, Б. А. «Двойчатки» Осипа Манделъштама как поэтическая форма / Б. А. Минц // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: ху-

дожественный опыт XX – начала XXI веков : сб. нач. тр. – Вып. 2. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 208-214.

31. Минц, Б. А. Над страницами автографа «Оды Бетховену» О. Манделъштама / Б. А. Минц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9, вып. 2. – С. 76-81.

32. Минц, Б. А. «Ода Бетховену» О. Э. Манделъштама: перекрёсток культурных контекстов / Б. А. Минц // Проблемы изучения русской литературы первой половины XX века : материалы XXXVIII междунар. филологич. конф. 16–20 марта 2009 года, Санкт-Петербург. Литературные направления и течения. – Вып. 30. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2009. – С. 21-25.

33. Минц, Б. А. Некоторые особенности живописных аллюзий в лирике Манделъштама / Б. А. Минц // Миры Осипа Манделъштама. IV Манделъштамовские чтения : материалы междунар. науч. семинара. Пермь ; Чердынь, 31 мая – 4 июня 2009 г. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2009. – С. 135-148.

34. Минц, Б. А. Манделъштам и Лосев: перекрёстки мысли в поисках синтеза / Б. А. Минц // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы IX научно-практич. конф., посв. памяти Алексея Фёдоровича Лосева. – М. : МПГУ, 2009. – С. 146-151.

35. Минц, Б. А. Пространство России в поэзии и прозе О. Манделъштама начала 1930-х годов: точки обзора, национальные модели, поэтика / Б. А. Минц // Восток – Запад: пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре : сб. ст. по итогам IV науч. Междунар. конф. (заочной). Волгоград, 19 ноября 2010 г. – Волгоград : Изд-во «Парадигма», 2011. – С. 61-69.

36. Минц, Б. А. «Тайная вѣчеря» О. Манделъштама и её место в «Третьей воронежской тетради» / Б. А. Минц // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Москва, МГОУ, 15 – 16 сентября 2011 г. – Ч. 2 : Русское зарубежье. Продолжатели традиций. – М. : ООО ЮНИАКС, 2012. – С. 271-281.

37. Минц, Б. А. «Живописный» контекст в «Воронежских тетрадях» О. Э. Манделъштама / Б. А. Минц // «Воронежский текст» русской культуры : сб. ст. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 111-118.

38. Минц, Б. А. Зенкевич и Манделъштам: образные переключки и проблема поэтического мироощущения / Б. А. Минц // Литературный процесс в России. Новые материалы. Исследования поэтики. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 40-48.

39. Минц, Б. А. Эмоциональный импульс, поэтическая интуиция и расчёт в работе О. Манделъштама над текстом «Соломинки» / Б. А. Минц // Категории рационального и эмоционального в художественной словесности :

сб. науч. ст. по итогам VII Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». Волгоград, 28 – 30 октября 2013 г. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 216-222.

40. Минц, Б. А. «Евхаристическая» образность Мандельштама в контексте его христианских исканий / Б. А. Минц // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения») : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч. конф. Москва, МГОУ, 16 – 17 сентября, 2013 г. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – С. 49-56.

41. Минц, Б. А. Восток в пространстве «московского цикла» О. Э. Мандельштама (1931) / Б. А. Минц // Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности : сб. науч. ст. по итогам VI Междунар. науч. конф., посв. третьей годовщине основания института Конфуция в ВГСПУ. Волгоград, 14 – 15 октября 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 64-70.

42. Минц, Б. А. Феномен детства в поэзии Мандельштама / Б. А. Минц // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 8. – Саратов : Саратовский источник, 2016. – С. 222-229.

43. Минц, Б. А. Пространство цикла, циклическое пространство (на материале стихов О. Мандельштама, посвящённых Н. Штемпель) / Б. А. Минц // Восток – Запад : сб. ст. по материалам седьмой Междунар. науч. конф. (заочной), посв. 90-летию со дня рождения Д. Н. Медриша. Волгоград, 15 декабря 2016 г. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2017. – С. 255-263.

44. Минц, Б. А. Поэтика генезиса и проблема циклизации в ранней лирике Мандельштама / Б. А. Минц // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. – Вып. 7. – Саратов : Изд-во «Саратовский источник», 2017. – С. 38-44.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Подписано в печать 23.09.2019.
Гарнитура Times. Печать Riso.
Усл. печ. л. 2,25. Тираж 100 экз. Заказ 0167.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП «Экспресс тиражирование»
410005, Саратов; Рахова, 187/213, офис 220 ☎ 27-26-93